

А.С. Афанасьев-Чужбинский

Собрание сочинений

**Том 7. Поездка в Южную
Россию. Очерки Днепра**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.С. Афанасьев-Чужбинский**
Собрание сочинений: Том 7. Поездка в Южную Россию. Очерки Днепра / А.
С. Афанасьев-Чужбинский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 454 с.

ISBN 978-5-518-05777-7

ISBN 978-5-518-05777-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА БЫТЬ ПРИДНѢПРОВСКАГО КРЕСТЬЯНИНА.

Командированный морскимъ начальствомъ съ цѣлью описать судоходство, рыболовство и вообще бытъ сельскихъ жителей, обитающихъ по Днѣпру и Днѣстру, я повсемѣстно встрѣчалъ малоруссовъ, а потому въ первой статьѣ считаю необходимымъ представить въ общихъ чертахъ бытъ этого племени, которое, промѣнявъ пику и саблю на плугъ и косу, мирно занимается своими промыслами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ еще столѣтіи разыгрывались страшныя, кровавыя драмы.

Исторія южной Руси, особенно послѣ нашествія татаръ и до присоединенія ея къ Московскому государству, у насъ извѣстна немногимъ. Даже лица, занимающіяся отечественною исторіею, обращаютъ на это вниманіе вскользь, а нѣкоторые критики не такъ еще давно позволяли себѣ неумѣстныя насмѣшки надъ цѣлымъ малорусскимъ племенемъ, не знаю уже съ какой цѣлью. Но добрая, гостепріимная Малороссія, слившаяся навсегда съ сѣвѣрною Русью, имѣла свою исторію, краснорѣчивыя страницы которой стоять и просвѣщеннаго вниманія, и теплаго участія. Народъ, вслѣдствіе политическихъ событій присоединившійся къ Литвѣ, а потомъ къ Польшѣ, народъ, который, бывъ угнетаемъ польскою аристократіею и принуждаемый обратиться въ католичество, возсталъ повсемѣстно и, отбившись отъ угѣснителей, присоединился къ единовѣрному и единоплеменному народу, я полагаю, имѣетъ право на безпристрастіе историка. Если какому нибудь господину, положимъ и славянину, но не русскому, и кажется, что малоруссы были польскими холопами, то это еще не доказываетъ, что дѣло было такъ дѣйствительно. Хотя это обстоя-

тельство и видно у польскихъ историковъ прежняго времени, однако мы очень хорошо знаемъ въ какой степени можно вѣрить польскимъ историкамъ касательно этого обстоятельства. Если иной господинъ, занимающійся исторіей, видитъ въ казачествѣ цѣль безпорядковъ, а въ казакахъ, особенно въ запорожцахъ, буйную, развратную вольницу, такому господину извинительно. потому что онъ видѣлъ малорусовъ, можетъ быть, только на столичной сценѣ, а исторію этого народа пробѣгалъ по напечатаннымъ въ разное время компиляціямъ, въ которыхъ почти ничего не говорится о внутреннемъ бытѣ края. Тѣ и другія мнѣнія нельзя назвать безпристрастными, и если первое изъ нихъ носитъ на себѣ отпечатокъ племенной ненависти къ Малороссіи, то другое грѣшитъ противъ истины и даетъ нѣкоторымъ образомъ понятіе объ ограниченности взгляда. Минули тѣ времена, когда Малороссія, не успѣвшая окрѣпнуть послѣ смуть и раздоровъ, конвульсивно иногда схватывалась за мысль о самостоятельности. Со времени Петра I она вздоровѣла и единодушно сознала, что разливъ ея вошелъ въ свое нормальное русло и тихо, счастливо течетъ по назначенію въ огромный лиманъ Руси, вливающійся въ океанъ человечества. Къ чему же въ наше время всѣ эти выходки? Разными правдами и неправдами можно натянуть выводъ, что Малороссія никогда не была независима, но выводъ этотъ будетъ весьма непроченъ, имѣя противъ себя весьма важныя данныя; между тѣмъ ни одно изъ племенъ, населяющихъ нашу громадную имперію, не нуждается, можетъ быть, столько въ защитѣ противъ несправедливыхъ нападковъ, какъ малорусское. Пусть благоразумные люди и отдають ему должную справедливость, однако многіе ли изъ благоразумныхъ вникали въ исторію этого племени, и кто же занимался основательнымъ изученіемъ быта этого добраго народа, который и до сихъ поръ у большинства слыветъ еще народомъ способнымъ лишь играть роль въ какомъ нибудь комическомъ разсказѣ: касаются ли исторіи Малороссіи, тотчасъ находятъ необходимость доказать, что она не существовала; захотятъ ли представить смѣшнымъ языкъ малорусса—исковеркають русскія слова и воображаютъ, что сдѣлали дѣло; придется ли кому изобразить смѣшнаго глупца—беруть малорусса, не заботясь даже хоть мелькомъ взглянуть на бытъ его, быть оригинальный. стоящій внимательнаго изученія.

Постараюсь сдѣлать самый краткій очеркъ исторіи южной Руси, но считаю не лишнимъ замѣтить, что у насъ вообще

смѣшиваютъ исторію Малороссіи съ исторією Сѣчи или Запорожья, которое, хотя и имѣло большое вліяніе на дѣла края, однако жило совершенно отдѣльною жизнію. Когда южная область Руси подверглись нападенію татаръ и удѣльные князья не въ состояніи были противиться многочисленнымъ полчищамъ ордынцевъ послѣдніе завладѣли нашимъ государствомъ. Но южная полоса съ помощью литовцевъ освободилась отъ татаръ черезъ 70 лѣтъ и присоединилась къ Литвѣ на извѣстныхъ правахъ и привилегіяхъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ. Два соединенные народа жили безъ особыхъ споровъ, пока литовскій князь Ягелло не женился на польской королевѣ Ядвига и не соединилъ подъ одинъ скипетръ литовцевъ, малоруссовъ и поляковъ. Всѣ эти три народа составляли одно государство и управлялись каждый своими собственными вождями или гетманами. Вскорѣ обнаружился духъ партій: полякамъ захотѣлось первенства, и они, а также и литовцы, начали считать Малороссію подвластною, завоеванною странкою. Возникли несогласія, и жалобы со стороны малоруссовъ дошли до короля. Вслѣдствіе этого изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось укорять малоруссовъ въ томъ, что литовцы ихъ освободили, но признано было, что оба эти народа соединенными силами прогнали татаръ за предѣлы отечества. Легко можетъ быть, что дѣло остановилось бы на этомъ, и дальнѣйшее развитіе польской государственной жизни, безъ сомнѣнія, пошло бы своимъ чередомъ, еслибы перстъ Божій не указалъ настоящей судьбы этого страннаго государства, считавшагося республикой, но во главѣ которой стояли короли, словно нанимавшіеся сидѣть на престолѣ, и аристократія котораго употребляла самую страшную деспотію въ отношеніи къ низшимъ сословіямъ. Въ это время на островахъ днѣпровскихъ, среди пустынь и степей, уже возникло казачество, имѣвшее свою организацію и состоявшее изъ малоруссовъ. Объ этой военной общинѣ скажу въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь упоминаю только потому, что она имѣетъ связь съ исторією южной Руси. Извѣстно, что когда ученіе Лютера поколебало папскую власть, учредился орденъ послѣдователей Лейблы для поддержанія этой власти, и всѣ католическія государства, въ томъ числѣ и Польша, сдѣлались игрушкою умныхъ и проницательныхъ иезуитовъ. Страшно приподымать завѣсу прошедшаго надъ вѣками религіозныхъ преслѣдованій, инквизиціи и обращенія мечомъ и огнемъ въ католичество не только невѣрныхъ, но и послѣдователей другихъ христіанскихъ испо-

вѣданій, однако нельзя не сказать, что Польша въ этомъ случаѣ превзошла въ свирѣпости даже Испанію, гдѣ фанатизмъ переходилъ далеко за предѣлы вѣроятія. Іезуиты обратили особенное вниманіе на области южной Руси, населенной народомъ православнымъ, и, понимая, что малоруссовъ невозможно прямо обратить въ католичество, изобрѣли унію, т. е., присоединивъ нѣкоторые догматы римской церкви къ греческому исповѣданію, допустили богослуженіе на славянскомъ языкѣ съ подчиненіемъ уніатовъ власти папы. Нововведеніе это взволновало всѣ области, населенныя православными. Стоитъ заглянуть въ исторію уніи Бантышъ-Каменскаго, чтобы убѣдиться, сколько поляки рѣзали, жгли, четвертовали и мучили самымъ страшнымъ образомъ малоруссовъ, желая обратить ихъ въ уніатовъ, и какъ все это дѣлалось во имя Христа не далѣе XVI и XVII столѣтій!

Подобно всѣмъ странамъ и въ Малороссіи нашлись люди, которые вещественныя блага цѣнили выше небесныхъ — и перешли прямо въ католичество. Разумѣется, католическое исповѣданіе было господствовавшимъ, и многіе изъ вельможъ, древнихъ княжескихъ родовъ, какъ-то: Святополки, Четвертинскіе, Сангушки и др., перемѣнили вѣру для того, чтобы имѣть значеніе при дворѣ. Глядя на нихъ, и дворяне менѣе важные сдѣлали то же самое, отчего свирѣпство уніи стало гораздо ощутительнѣе, ибо некому было вступаться за народъ. Польское духовенство неистовствовало, принуждая простолудиновъ къ принятію уніи. Кровавыя эти событія извѣстны изъ лѣтописей не только русскихъ, но и изъ польскихъ, въ которыхъ, хотя малоруссы и названы «взбунтовавшимся холопствомъ» и хотя по словамъ этихъ хроникъ одинъ полякъ побѣждалъ десятки казаковъ, однако сами польскіе лѣтописцы пренаивно рассказываютъ, что со столькихъ-то малорусскихъ старшинъ содрали съ живыхъ кожу, такихъ-то ватали въ бочкахъ, набитыхъ гвоздями, такихъ-то рѣзали по суставамъ. И это все происходило иногда на площадяхъ варшавскихъ, въ столицѣ образованныхъ магнатовъ, посѣщавшихъ дворы европейскихъ государей! Испытывая подобныя тиранства, малоруссы жаловались королямъ, но, не получа удовлетворенія, повсемѣстно подвняли оружіе. Появились вожди, по большей части изучившіе военное ремесло на Запорожьѣ, куда почти каждый молодой человѣкъ отправлялся казаковать, потребовали помощи запорожцевъ, всегдашнихъ поборниковъ православія, и послѣ страшной рѣзни, происходившей съ перемѣннымъ счастьемъ,

именно въ гетманство Богдана Хмельницкаго, Малороссія свергла съ себя иго поляковъ, выгнала католическое духовенство и стала на такую степень, что къ гетману начали присылать пословъ иноземные государи, приглашая его съ народомъ подъ свое покровительство. Проворливый Богданъ, котораго прахъ развѣяли мстительные поляки и которому нѣтъ никакого памятника, предпочель всѣмъ Русь православную и отдался со всѣмъ народомъ московскому государю на вѣчныя времена, видя въ одномъ только этомъ соединеніи будущее благо своей родины. Вотъ первая и важнѣйшая часть исторіи южной Руси. Значить съ тѣхъ поръ, какъ Косинскій и Наливайко, благородные гетманы, мученическою смертію заплатившіе за оборону края, возставали противъ утѣснителей, и до присоединенія къ Великой Россіи край этотъ нисколько не былъ подчиненъ Польшѣ, составлявшій съ нею прежде государство не какъ завоеванная область, но какъ страна существовавшая на условіяхъ: »какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ«. Лучшимъ доказательствомъ этому служить отвѣтъ короля Владислава IV Богдану Хмельницкому, просившему защиты отъ утѣсненій: »у васъ есть сабли«, отвѣчалъ король, »и вы можете сами защищать себя, а я не въ силахъ«. Выпадали промежутки, когда казаки были побѣждаемы, и временные побѣдители удваивали свои жестокости, но малоруссы снова восторжествовали и отбились отъ своихъ лютыхъ преслѣдователей. Не касаюсь здѣсь никакихъ другихъ вопросовъ, не стану выставлять, какъ во время этихъ войнъ польское правительство нарушало клятвы и измѣннически умерщвляло старшинъ малорусскихъ, но скажу одно: можно ли пройти безъ вниманія эти святые войны за вѣру и благородное, храброе племя называть взбунтовавшимися польскими холопами! Между тѣмъ это мнѣніе было высказано печатно, и писавшій его былъ твердо убѣжденъ, что могъ безнаказанно потѣшаться, ибо вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на малоруссовъ нельзя было печатно же доказать этому господину всего безстыдства возмутительной клеветы. Конечно, лѣтъ около двадцати назадъ это еще могло пройти даромъ какому нибудь господину, но въ наше время подобныя выходы караются всеобщимъ презрѣніемъ, и священныя страницы народной исторіи останутся священными, несмотря на грязь, бросаемую въ нихъ пристрастіемъ, вѣющимъ польскою ненавистью или неумѣстнымъ рвеніемъ изо всѣхъ силъ доказать, что Малороссія никогда не имѣла никакого значенія. Если современные ученые мало

еще разработали исторію южной Руси, то будущія поколѣнія, подвергая безпристрастному суду матеріалы, составятъ исторію этого края и выставятъ въ настоящемъ свѣтѣ разборъ »Исторіи Малороссіи« Н. Маркевича, напечатанный въ Б. для Ч., какъ образецъ небывалой недобросовѣстности въ наукѣ. Неужели же мы живемъ во времена Петра Великаго, когда можно еще было ожидать недовольныхъ между малорусскими старшинами? Неужели же малоруссы такъ просты, что не понимаютъ вещей, и, наконецъ, не стыдно ли изъ какихъ нибудь видовъ стараться исказить исторію, когда въ этомъ нѣтъ никакой необходимости?

Вторая половина исторіи Малороссіи до уничтоженія гетманства представляетъ уже мало интереса. Смуты, продолжавшіяся въ ней до шведской войны, довольно грустны; я не буду здѣсь, по краткости, входить въ причины. Моею главною цѣлью было очеркнуть только историческій ходъ дѣлъ въ южной Руси, изъ котораго можно было бы судить о томъ, что такое малоруссъ, надъ которымъ любятъ потѣшаться иные пріятные рассказчики, не знающіе подчасъ ни быта, ни языка, ни исторіи народа, надъ которымъ потѣшаются. *Хохолъ* и *хохлаяндія*, часто встрѣчающіеся въ печати или устныхъ анекдотахъ, играютъ довольно жалкую роль и служатъ предметомъ комическихъ рассказовъ. Не знаю, многимъ ли извѣстно происхожденіе этого названія. Когда вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи московскія войска дѣйствовали соединенными силами съ украинскими, то при столкновеніи двухъ племенъ необходимо должны были возникнуть и споры о превосходствѣ одного передъ другимъ и появиться различные прозвища, къ чему способны и то, и другое. Въ Малороссіи и до нынѣ еще сохранился обычай подбривать чубъ, оставляя клокъ волосъ, именуемый *оселедцемъ* (сельдъ), и по этому-то обстоятельству великоруссъ называлъ украинца *хохлою*, за что въ отмщеніе получилъ названіе *кацапа*. Это была также своего рода насмѣшка, оставшаяся до настоящаго времени. Малоруссы брѣютъ бороды, а чедовѣна съ бородою кому-то пришлось назвать *цатомъ* (козелъ) — вотъ откуда возникло это названіе, повсемѣстно употребляющееся въ Малороссіи.

Малорусскій народъ, тихій, добрый и необыкновенно домовитый, рѣзко отличается отъ своего сѣвернаго собрата типомъ, языкомъ, одеждою, нравами и обычаями и, если уступаетъ послѣднему въ промышленности, то превосходитъ въ удобствахъ

домашней жизни, имѣя для этого всѣ средства, предоставляемыя благораствореннымъ климатомъ. Превосходныя пастбища дозволяютъ ему заниматься скотоводствомъ и овцеводствомъ; изобиліе хлѣба даетъ возможность держать домашнюю птицу, а рѣки и рѣчки, протекающія по обширной территоріи, чрезвычайно рыбны и доставляютъ средства малоруссу разнообразить свою пищу.

Хотя обликъ этого племени и принадлежитъ къ типу кавказскому, однако оно не похоже на великорусское, принадлежащее къ тому же типу, а имѣетъ болѣе сходства съ азіатскими народами, и, когда, удаляясь отъ большихъ городовъ и почтовыхъ и транспортныхъ дорогъ, встрѣчаешь бритыя головы, на которыхъ оставленъ лишь небольшой чубъ, то сходство съ кавказскими горами становится поразительно. Малорусъ, какъ сказано выше, брѣетъ бороду (исключая нѣсколькихъ уѣздовъ Харьковской и Черниговской губерній да кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ, допускающихъ это украшеніе). Усы у него растутъ внизъ въ естественномъ направленіи и часто доходятъ до огромной величины, что придаетъ воинственной видъ этому племени, которое, впрочемъ, еще не такъ давно оставило оружіе. Интересенъ куплетъ одной пѣсни, сочиненной въ концѣ прошлаго столѣтія, въ которой выражается сожалѣніе о прекращеніи войнъ.

Да вже шаблі поржавіли,
Мушкети безъ курківъ,
А все серце козацькее
Небоїтьця Турківъ.

Мнѣ кажется, куплетъ такъ понятенъ каждому незнакомому съ языкомъ, что переводъ его былъ бы совершенно излишенъ.

О языкѣ малорусскомъ еще до сихъ поръ существуютъ у насъ различныя мнѣнія, и, хотя II отдѣленіе академіи наукъ признало его за отдѣльное нарѣчіе и приобрѣло у меня словарь этого нарѣчія, начатый академіею въ 1854 году, однако это нисколько не мѣшаетъ многимъ считать его испорченнымъ языкомъ великорусскимъ. Между тѣмъ кто серьезно занимался отечественнымъ словомъ, кто понимаетъ дѣло, тотъ не можетъ не принять въ соображеніе весьма важнаго обстоятельства, что малоруссы, искони обитавшіе по Днѣпру и его бережьямъ, слѣдовательно прямые потомки славянъ, до христіанской эпохи жившихъ на этихъ мѣстахъ, — должны же были наслѣдовать языкъ отъ предковъ. Нельзя же предположить,

чтобы сѣверныя и южныя отрасли славянъ говорили однимъ нарѣчіемъ и чтобы сѣверная Русь сохранила его, а южная измѣнила до степени нынѣшняго! Что языкъ церковный не былъ разговорнымъ народнымъ языкомъ — объ этомъ даже говорить въ наше время будетъ лишнимъ, но что славяне эпохи до христіанской и до татарской не говорили, какъ говорятъ теперь великоруссы, въ этомъ тоже, кажется, нѣтъ сомнѣнія. Конечно, не говорили они и по малорусски, однако послѣднее нарѣчіе нельзя сказать, чтобы уже слишкомъ удалилось отъ первобытнаго источника. Къ сожалѣнію, мы такъ мало имѣемъ памятниковъ, чтобы рѣшать дѣло непогрѣшительно; однако въ нихъ встрѣчаются не только слова, а даже цѣлыя обороты, существующіе и донныѣ въ малорусскомъ языкѣ, которые подтверждаютъ вышесказанное предположеніе. При разборѣ »Слова о Полку Игоревѣ«, переведеннаго г. Гербелемъ (Пантеонъ, 1854. № 3), мною были переведены нѣкоторыя мѣста изъ »Слова«, доказывающія сходство не только въ оборотахъ, но даже въ способѣ выраженія со старинными казакскими малорусскими гѣснями, извѣстными подъ названіемъ »Думь« у насъ въ литературѣ. Не беру на себя смѣлости говорить утвердительно, однако не могу не высказать убѣжденія, возникшаго у меня вслѣдствіе долговременныхъ занятій нарѣчіемъ племени, къ которому принадлежу. Пѣвецъ »Слова«, воспѣвавшій подвиги Игоря, не долженъ быть простымъ безграмотнымъ воиномъ. Напротивъ онъ былъ человекъ образованный по тогдашнему и не импровизировалъ пѣсни, какъ импровизировалъ ее казакъ малорусскій, а обдумалъ и сочинилъ на заданный себѣ предметъ. Въ то время, да и гораздо позднѣе, образованіе истекло у насъ изъ монастырей, отъ духовенства. Вскорѣ послѣ перевода книгъ на церковно-славянскій языкъ всѣ грамотные люди, принимаясь за перо, невольно подражали библейскимъ оборотамъ, и вотъ почему »Слово о Полку Игоревѣ« написано не на языкѣ народномъ. Примѣровъ этому искать недалеко. Даже въ настоящее время, когда книжный тяжелый языкъ почти забыть, а всѣ стараются писать живымъ разговорнымъ языкомъ, встрѣчаются, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ, мѣста не только сбивчивыя, но даже темныя, оттого, что человекъ, принимаясь за перо, не пишетъ просто какъ думаетъ и какъ дѣло складывается у него въ головѣ, но старается щегольнуть цвѣтистыми выраженіями и для этого употребляетъ слова совершенно излишнія. Древній пѣвецъ не вездѣ однако же выдерживаетъ церковно-славянскій языкъ, и въ минуты

вдохновенія у него льется живая рѣчь и народный языкъ пробивается наружу.

Съ открытіемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятниковъ малорусской письменности, какъ-то: »Лѣтопись Самовидца«, »Лѣтопись Самуила Величка«, многіе указываютъ въ нихъ на частыя польскія слова и говорятъ, что прежнее малорусское нарѣчіе изобиловало полонизмами. На это можно сказать, что во времена позднѣйшія, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ, оно отзывалось еще и руссизмами, однако изъ этого нельзя выводить смѣлаго заключенія, что малоруссы употребляютъ великорусскіе обороты. Малороссія была присоединена къ Польшѣ, а потомъ съ половины XVII столѣтія къ Московскому царству. Весь грамотный людъ, т. е. лица, преимущественно занимавшіяся письменною частью, прежде старались употреблять польскіе обороты, а потомъ великорусскіе. Вотъ почему ни эти лѣтописи, конечно, любопытныя для историка, ни эти акты не должны входить въ расчетъ филолога. Возьмемъ настоящую эпоху и возьмемъ не только официальную бумагу сельскаго писаря, но даже его частное письмо: въ первой онъ старается писать по русски, и лишь изрѣдка проскакиваютъ у него малорусскія слова; во второмъ онъ пишетъ по малорусски, но щеголяетъ книжными великорусскими выраженіями. Неужели же черезъ сто лѣтъ филологъ по этимъ памятникамъ долженъ будетъ дѣлать заключеніе, что въ 1860 году, въ Малороссіи не существовало уже особеннаго малорусскаго нарѣчія, но что народъ и *говорилъ*, и почти писалъ по русски? Считаю неумѣстнымъ и недобросовѣстнымъ говорить бездоказательно, привожу нѣсколько примѣровъ изъ документовъ письменныхъ и устныхъ для сличенія.

Нѣтъ данныхъ, по которымъ можно бы судить о древности той или другой народной пѣсни но, мнѣ кажется, нельзя однако же не признать древними отрывковъ изъ пѣсенъ въ честь нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, не совершенно еще исчезнувшихъ въ иныхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Празднованіе Купала уже достаточно для подтвержденія словъ моихъ, слѣдовательно куплетъ изъ подобной обрядной пѣсни можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что языкъ этой пѣсни весьма древній:

Доуалімо та соломоньку,
Та ходімо та до домоньку
Лежи, лежи та Купалочку
Въ червонному та багаттячку.

А вотъ образчикъ канцелярскаго слога 1654 года, — отрывокъ изъ письма гетмана Хмельницкаго въ Кошъ о желаніи отдаться подъ покровительство государя московскаго:

»Гдижъ ми яко махину войны зъ Поляками зачинали не безъ воли и совѣта Вашего, братѣ нашей, такъ и сего не меншого дѣла, о протекціи помененной Московской, безъ Вашего-жъ соизволеня и поради чивити не хотимъ; и любо уже учинилисмо о томъ зъ совѣтомъ старшины нашей до Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества и Самодержца Всероссійскаго одозвъ нашъ, однакъ безъ вѣдома и соизволенія Вашего, дѣла того кончити не будемъ. Рачте теде Вашмостъ Мосцѣ Панство. безъ найменшого одкладу ретельнѣй на первое обширное писаніе наше учините къ намъ респонсъ, пыльно и повторне жадаемъ. и ихъ же въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ» (Лѣтопись Самуила Величка, т. I, стр. 167—168).

Отрывокъ изъ отвѣта Коша запорожскаго Богдану Хмельницкому:

»На письмо Ваше Гетманское обширное, прошлаго лѣта до насъ писанное, не учинилисмо отвѣта до сего времени для того, же твоя Гетманская Мосцѣ во всѣмъ войскомъ козацкимъ оставалъ чрезъ все лѣто въ Полци и на Подолу подъ Жванцемъ, въ чомъ просимъ вельце Вашей Гетманской Мосцѣ вибаченя; а теперъ на помененое письмо Ваше Гетманское отвѣтующи, выражаемъ сіе, ижъ ми оное совершенно зрозумѣли, и нетилько зъ письма того познаемъ, але и ясно видимъ нашима очима, же уже намъ зъ поляками, *якъ зъ змією комуь фостъ отъщеній имущю* отнюдь згодится и до першой прійти пріязни не возможно; поневажъ они всему злу и войнѣ будуги початкомъ и причиною, и чрезъ шестолѣтнюю войны операцію видячи якъ въ коронѣ своей, такъ и въ Украини нашей Малороссійской доволніе попели зъ поселенія людскихъ и костій людей войною побитыхъ по полямъ лежачіе, ви мало своего сердца не хотять смягчити, и переставши своей гнѣвной завязности къ намъ, до первой, при утверженіи давнихъ правъ и свободъ нашихъ, прійти пріязни и згоди. Теде и ми большой отъ сего времени о ихъ пріязнь Вашей Гетманской Мосцѣ старатися не радимъ, а замыслъ Вашъ, що удатися и бути во всѣмъ народомъ Малороссійскимъ, по обохъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію Великодержавнѣйшого и Просвѣтлѣйшого Монархи Россійскаго, за слухнѣй бити признаваемъ и даемо нашу войсковую Вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили. якъ ку найдлутшой